

Иван Тургенев

**Заметка «О статуе Ивана
Грозного М. Антокольского»**

Иван Сергеевич Тургенев

Заметка «О статуе Ивана Грозного М. Антокольского»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3006795

Аннотация

Знакомство Тургенева с М. М. Антокольским произошло 14 (26) февраля 1871 г. в Петербурге, в мастерской скульптора, только что завершившего в глине скульптуру «Иван Грозный». В тот же день в письме к П. Виардо он восторженно отзывался как о скульптуре, так и о ее создателе.

Об обстоятельствах первой встречи с Тургеневым рассказал и Антокольский в своих записках «Из автобиографии»: «Наконец, дождался великого дня, когда бросил стек и сказал: „Довольно“. В этот день первый, кто пришел в мастерскую, был И. С. Тургенев. Я сейчас узнал его по фотографической карточке, имевшейся у меня в альбоме...»

Содержание

Иван Сергеевич Тургенев	4
Примечания	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11
Комментарии	

Иван Сергеевич Тургенев

Заметка <О статуе Ивана Грозного М. Антокольского>

Не могу не поделиться с читателями «СПб. ведомостей» тем отрадным впечатлением, которое произвело на меня новое проявление русского искусства. Я говорю о статуе г. Антокольского, представляющей Ивана Грозного. Мне довелось увидеть ее почти в самый день моего возвращения в Россию. Слухи о ней начали ходить в публике с конца прошлого года, но только весьма недавно небольшая мастерская молодого ваятеля в Академии художеств стала наполняться посетителями, желающими полюбоваться «новинкой». И сто́ит ею любоваться, сто́ит радоваться ей. По силе замысла, по мастерству и красоте исполнения, по глубокому проникновению в историческое значение и самую душу лица, избранного художником, – статуя эта решительно превосходит всё, что являлось у нас до сих пор в этом роде. Царь Иван представлен сидящим на богатом старинном кресле; на голове его скуфья; расстегнутый у ворота халат, в виде подрясника, охвачен простым поясом; тяжелая шуба в широких складках падает кругом; на коленях у него лежит, как бы скользя с них, раскрытое Евангелие; известный острокопечный посох воткнут в землю возле него. Тяжкое раздумье

овладело им; он, видимо – один, положим, где-нибудь в отдаленном покое дворца в Александровской слободе. Он по-нурил голову, сдвинул брови, сжал губы – вниз и вбок устремил глаза... Одной рукой он оперся о ручку кресла, как бы собираясь встать; другая лежит бессильно, обвитая чётками, с подвернутыми пальцами. В наклоненном положении станна, в неровном рисунке плечей, в каждой черте типически верного, изможденного и все-таки величавого лица, в каждой подробности всей фигуры – так, кажется, и читаешь все ощущения, все чувства, мысли, которые смутно, и сильно, и горестно задвигались в этой усталой душе. Тут и страх смерти, и раздражение больного человека, избалованного беззаветной властью, и раскаяние, и сознание греха, и застарелая злоба, и желчь, и подозрительность, и жестокость, и вечное искание измены... Он собирается встать, этот старый, злой, больной человек, который в одно и то же время и русский и царь, царь с ног до головы^[1] – не хуже короля Лира. И что он станет делать, как встанет? Пытаться? молиться? или пытаться и молиться? Не нужно быть особенно чутким человеком, чтоб понять, что хотел сказать художник. То, что он задумал изобразить, – дело сложное, как вообще всё человечески живое; но выполнил он свою задачу с такой очевидной ясностью, с такой уверенностью мастера, что не вызывает в зрителе ни малейшего колебания; а впечатление так глубоко, что отделаться от него невозможно; невозможно представить себе Грозного иначе, чем каким его подстерегла творческая

фантазия г. Антокольского. По искренней правде, гармонии и несомненности впечатления его произведение напоминает древних, хотя, с другой стороны, оно всей сущностью своей принадлежит к новейшей, характерно-психологической, живописно-исторической школе ваяния. Особенно поразительно в этой статуе счастливое сочетание домашнего, вседневного и трагического, значительного... И с каким верным тактом всё это проведено! Укажу хоть на скуфью, которую, говорят, многие критики из традиционных классиков желали бы видеть устраненной и которую неподдающееся чутье художника, к счастью, удержало. Каким образом возвысился он до такого ясного понимания своей задачи – я, судя по прошедшему, не могу себе дать хорошенько отчета; но факт перед глазами, и поневоле приходится воскликнуть: «*Spiritus flat ubi vult*»¹.

Я в состоянии сообщить несколько достоверных сведений о художнике, так блистательно начавшем свою карьеру. Марк Матвеевич Антокольский родился в 1842 году^[2] в городе Вильно. Родители его содержали трактир, и до тринадцатилетнего возраста маленький Марк им помогал по хозяйству. Но страсть к рисованию в нем уже тогда развилась до того, что посетители трактира начали обращать внимание родителей на их сына. Они отдали мальчика в учение к позументщику; Марку это занятие не пришлось по вкусу – и родители решились сделать его резчиком. У нового хозяина

¹ «Дух веет, где хочет» (лат.).

Марк, заваленный дневной работой, по ночам должен был прятаться на чердаке, чтоб предаваться там на свободе своему любимому занятию – рисованию. Натерпевшись горя до семнадцати лет, он не выдержал более этой жизни – и убежал от хозяина. Резчицкой работой он добывал себе средства к пропитанию. На двадцать втором году от роду он сделал «Головы Христа и божьей матери» из дерева; профессор Пименов заметил это произведение, и Антокольский решил поступить в Академию вольнослушающим. В 1864 году он сделал «Еврея-портного» из дерева, за что получил серебряную медаль.^[3] В 1865 году сделал «Скупого» из кости, за что снова получил медаль и стипендию от государя-императора. Газеты начали хорошо отзываться о нем. Первым вполне серьезным произведением г. Антокольского была группа: «Христос и Иуда»;^[4] потом в 1868 году он изобразил «Нападение инквизиторов на евреев». Это произведение, в котором г. Антокольский попытался представить не одни фигуры, но и обстановку их, возбудило протест со стороны художников и любителей, которые находили, что в нем он переступил границы ваяния. Продолжать работать после 1868 года в Академии стало ему невозможным, так как классные занятия он кончил, а конкурировать вольнослушающим не допускается. Г-н Антокольский поехал в Берлин, но скоро оттуда возвратился и в 1870 году принялся за Ивана Грозного.

Несколько дней тому назад совет Академии произвел его

в академии — и, как слышно, он получил заказ на исполнение своей статуи из бронзы.^[5] Смею думать, что было бы желательнее видеть ее исполненной из мрамора, так как мрамор гораздо способнее передать всю тонкость психологических черт и деталей, которыми изобилует произведение г. Антокольского. Замечу кстати, что подходящая к тому же роду скульптуры, известная, тоже сидящая, фигура Вольтера в Париже, работы знаменитого Гудона (Houdon) — тоже из мрамора.^[6]

К сожалению, здоровье г. Антокольского далеко не удовлетворительно; врачи посылают его в Италию, и должно желать, чтоб как можно скорее попали ему в руки те средства, которых у него нет и без которых поездка в чужие края немислима. Было бы грустно думать, что скорое осуществление подобного желания может встретить какие-либо препятствия.

*С.-Петербург,
18 февраля 1871 г.*

Примечания

Впервые опубликовано: *СПб Вед*, 1871, 19 февраля, № 50; с подписью: Ив. Тургенев.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *Т, Соч*, 1891, т. 10, с. 239–243.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту первой публикации.

Знакомство Тургенева с М. М. Антокольским произошло 14 (26) февраля 1871 г. в Петербурге, в мастерской скульптора, только что завершившего в глине скульптуру «Иван Грозный». В тот же день в письме к П. Виардо он восторженно отозвался как о скульптуре, так и о ее создателе.

Об обстоятельствах первой встречи с Тургеневым рассказал и Антокольский в своих записках «Из автобиографии»: «Наконец, дождался великого дня, когда бросил стек и сказал: „Довольно“. В этот день первый, кто пришел в мастерскую, был И. С. Тургенев. Я сейчас узнал его по фотографической карточке, имевшейся у меня в альбоме. „Юпитер!“ – было первое мое впечатление. Его величественная фигура, полная и красивая, его мягкое лицо, окаймленное густыми серебристыми волосами, его добрый взгляд имели что-то необыкновенное; он напоминал дремлющего льва: одним словом, Юпитер. Я глазам своим не верил, что передо мною стоит – нет, вернее, что я стою перед Иваном Сергеевичем

Тургеневым. Я боготворил его...» (*Антокольский*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...царь с ног до головы... – Слова Лира из 6 сцены IV акта трагедии Шекспира «Король Лир» (1608).

2.

...родился в 1842 году... – Неточность: М. М. Антокольский родился 21 октября 1843 г.

3.

В 1864 году ~ получил серебряную медаль. – За горельеф из дерева «Еврей-портной, вдевающий у окна нитку в иголку» (1864) Антокольский получил малую серебряную медаль от Академии художеств (см.: Антокольский, с. XII и 908).

4.

Первым, вполне серьезным ~ «Христос и Иуда»... – Имеется в виду барельеф «Поцелуй Иуды» (1867), первый экземпляр который приобрел И. Н. Крамской (см.: Антокольский, с. 925).

5.

...он получил заказ ~ из бронзы. – Александр II, посетив мастерскую Антокольского, заказал скульптуру бронзовый отлив «Ивана Грозного» для Эрмитажа (см.: Антокольский,

с. XXII).

6.

...фигура Вольтера в Париже ~ тоже из мрамора. – Статуя Вольтера работы Ж. А. Гудона (1781) известна во многих вариантах: один из них, подаренный скульптором родственникам Вольтера, был передан ими театру Comédie-Française в Париже, другой – отправлен в Россию (хранится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде).